

ГОРЕЛА
Наталья
ЖЕЛНОРОВА
ВРЕМЕНИ
СВЕЧА...

Как воск дни жизни отливали

Повесть

Как прекрасны утренние часы! Когда проснувшись, еще в полудреме, ты погружаешься в воспоминания, перелистываешь события своей жизни и иногда думаешь, как было бы хорошо окунуться в жизнь своих предков, почувствовать их переживания, поволноваться вместе с ними... Но не дано! Нет мемуаров — ничего, кроме нескольких старых фотографий и писем в старом портфеле.

Вглядываясь в фотографии своих предков, она всегда старалась представить себе, как жили они, о чем они думали, о чем мечтали. С какими нравственными проблемами сталкивались и как их решали...

Ее интересовала история души, быта и мысли, чаяния маленького человека. О великих много написано и еще напишут. А вот как жил, как растил себя, как страдал и чему радовался обычный человек, с чем он сталкивался на своем жизненном пути, как эпоха больших перемен воздействовала на его сознание, об этом ей хотелось рассказать своим потомкам. Как и о тех людях — добрых, нежных, умных, смелых, с которыми ее столкнула судьба и которые тоже благоприятно воздействовали на ее стезю.

Она понимала, что мы не случайны в этом мире. Мы для чего-то сюда присланы и должны выполнить некий Божий промысел, но всегда ли нам удастся его прочувствовать и хоть в малой мере осуществить? Жаль, что Оттуда, из иного мира, от умершей родни, предков мы не получаем никаких сигналов, чтобы вовремя можно было выправить свой жизненный путь.

Предки, предки... Бабушки, прабабушки, дедушки, прадедушки... Они жили в тяжелое время, их испытывала судьба, они тоже сомневались, огорчались, преодолевали различные препятствия, напряженно трудились, но верили, надеялись, любили и прощали во имя какого-то неведомого им будущего. То есть жили, наверное, так же, как и мы сейчас живем.

Горе тем, кто не чтит своих предков! Но ведь и сама она дальше бабушки никого не знала. Дедушка ушел из земной жизни, когда ей был всего лишь годик, а бабушка — когда девчужке исполнилось шесть лет. Только смутные образы остались в ее детской памяти.

«С каким живым интересом, — думала она, — я бы прочитала их дневники, их письма, их воспоминания!» Но они жили в период страшных потрясений и не могли, не смели, боялись предавать бумаге свои сокровенные мысли, наоборот, многие люди уничтожали любую связь с многочисленной родней и во времени, и в пространстве. Поэтому и относились к поколению, которое называют «киванами, не помнящими родства». Родство, род, родня на самом деле суть народа, часть его, тогда были опасны для власти, всюду подозревавшей возможный заговор. В итоге мы все остались без этих связующих нитей. Считай, без тылов, без сакральной эстафеты династий. Она искренне горевала, что не

знает ни имен, ни дат, ни профессий своих прапрадедушек и прапрабабушек. За кого молиться? Ей захотелось восполнить картину своего поколения, показать уже будущему потомству, как раньше люди жили, чего добивались и о чем мечтали...

Так по настоянию мужа («напиши хотя бы для внуков!» — увещевал он ее) она решила написать эту книгу. Внуков и правнуков у нее, к сожалению, еще нет, но она очень надеется, что они все-таки появятся. Бог милостив и Он слышит всех, к Нему обращающихся. Она верит, что Он услышит и ее мольбы, увидит и ее печаль.

Следуя заповеди о том, что: «Длина жизненного пути каждому отмерена Богом, а ширину каждый определяет самостоятельно», этими воспоминаниями она сама стала расширять границы своей жизни...

И в итоге была полностью солидарна с Иосифом Бродским:

«Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.

Только с горем я чувствую солидарность.

И пока мне рот не забили глиной,

Из него раздаваться будет лишь благодарность»...

Слава Тебе, Боже, во веки! Слава Тебе за каждый шаг жизни, за каждое мгновение радости, за каждый вздох грусти моей, за тайные и явные милости Твои...

ЖАСМИН, ЗАЧЕМ ЦВЕТЕШЬ?

В зрелом возрасте она нашла свою формулу жизни. На вопрос: «Что такое жизнь?» — Она бы ответила так: «Это когда каждую весну на деревьях распускаются почки, и ты это видишь»... — «А что такое счастье?» — «Когда ты этому искренне радуешься».

Ах, как нежно пахнет жасмин! Этот совершенный в своей безыскусной простоте цветок. Вдыхаешь аромат его — еще, еще и еще раз! — и невозможно не изумиться тому изяществу запаха, который он источает. Белые лепестки его уже опадают на землю, и так жаль, что еще одно лето уносит это дивное белоснежное цветение и этот упоительный райский запах.

Сколько вечеров она собиралась поставить букетик жасмина на ночь у своей кровати, и столько раз ей было жаль прерывать его такую недолгую жизнь. Утром в вазочке могла оказаться жалкая поникшая веточка. И еще — ей казалось, что ночью, надышавшись божественным ароматом цветка, ей просто не захочется просыпаться и жить дальше. Не захочется возвращаться в созданный для человека, а и для человека ли, этот жесткий мегаполис, где люди словно забыли красоту природы и стали поклоняться технократическому молоху.

Иногда среди дачных забот она замирала возле наполненной теплой

дождевой водой бочки. На поверхности ее плавали белые лепестки и желтые пестики жасмина. Листочки как малюсенькие яхточки еще продолжали жить, кучечкой, как у причала, сбиваясь у бортика бочки.

«А бывает и чай с жасмином, — подумала она. — Недавно заказывала в кафе, беседуя там с одной корреспонденткой. Может, стоит собрать, высушить и тоже смешать с чаем?»

Но рвать то, что еще цветет — рука не поднимается, а с земли собирать — мороки много, а лепестков — не очень. Пусть уходят в Лету, как и все красивое и живое. Может, оно потому и красивое, что редкое. Как сирень. Две недели буйного буйства благородных кистей — здесь тебе и махровые фиолетовые, и крупно белые, и редкие звездочки на неярких, слабых веточках бледно-сиреневых соцветий — а потом — бац — и нет сирени! Отцвела. Так же как и жасмин, она царит недолго и плохо выносит вазы. Словно намекает: не я к вам приду, а вы ко мне. Идите в кущи мои и дышите, дышите, наполнитесь моими нежными ароматами, мне не жалко. Только будьте добрее к нам — цветам, травам, лугам и рощам, потому что мы источаем к вам любовь. Поучитесь и вы у нас и у нашей матушки Природы.

...Вечерами она подходила к этим дурманящим кустам, смотрела на темное чистое небо, на крупные мерцающие звезды, чувствовала босыми ногами еще теплую мягкую траву и понимала, какой малюсенькой былинкой создал ее Господь. Но он вложил в нее бессмертную душу. И когда-то заберет ее, а что получит вместе с нею? Какой отчет выдержит она перед своим Создателем? Что скажет ему в оправдание бренности, а порой и никчемности своей жизни?

Есть у нее любимая молитва о детях, где присутствуют такие слова: «Соделай, Господи, да не увидим мы в них себе бесчестия и посрамления, но честь и радость. чтобы умножилось ими Царство Твое!». Эти строки что-то выжигали в ее материнском сердце, и оно сжималось от любви к своим детям, и за то Благо иметь их, которое ей подарил Ты, Наш Господь.

Трава под ногами немного остывала, уже холодила кожу, а она представляла себя между небом — этой огромной Вселенной над нею, и землей — планетой, которая под нею. И там внизу не только корни растительности, а также подземные воды, но и дальше — глубже, глубже — уже огненная лава, магма. Она творит свою работу миллионы лет и выдает «на гора» этот необыкновенный земной рай. Его может ощущать каждый, кто только чувствует себя частицей природы, ее добрым животным, деревом или цветком, но не господином.

...Приехал муж — вот он идет по дорожке в белом костюме — усталый, до красноты обгоревший на вчерашней рыбалке, но довольный. Он сегодня подписал «в свет» свой сборник, а сейчас несет три «сигнальных» экземпляра.

Жена берет в руки один из них — и ее сердце замирает. Из глаз произвольно катятся слезы. «Услышь меня! Я рвусь к тебе...» Читает знакомое название. Немаленький плотный томик содержит столько новых знаний,

пронизан мыслями и о вечном, и о бренном... Сколько раз она слушала, читала и перечитывала удивительные страницы, столько раз поражалась, какое богатство заключено в этом сборнике.

«Твоя жизнь прожита не зря», — сказала она мужу, и он согласно кивнул в ответ. В ней тоже была огромная радость — и от того, что она была свидетельницей его провидческого дара, и от того, что зажжена еще одна большая свеча, помогающая людям выбраться из темноты бытия и возжигающая в них новые светильники жизни.

Она часто думала, что не одна задает себе такие вопросы: «Кто я? Почему именно мне из миллиардов вариантов дана жизнь? Что должна я в ней сделать? Как мне состояться — по какому — по земному, или по небесному исчислению? Что мне оставить после себя — дворцы, хижины или пепелища? Кто я — для окружающего народа — пепел или алмаз? Учитель? Воитель? Былинка в мироздании? Но ведь и былинка для чего-то нужна. Что ждут от меня там, наверху? Что из заданного я сделала, а с чем не справилась совсем? И где границы мне дозволенного? Или их должна установить я сама? Где начинается моя юрисдикция? И до каких времен я буду испытывать свою судьбу? Либо она — меня? Как жить, если ты не ведаешь своего предназначения? Если ты и готов выполнить волю Божию, но не знаешь ее?

И ты, такой прекрасный и ароматный жасмин! Что мы спрашиваем его — зачем цветешь? — Разве не ясно — чтобы еще ярче подчеркнуть: все создано Богом и все — во славу Его!»

КРАСНЫЙ БОР

В детстве была она маленькой и слабенькой. В этот период умерла от туберкулеза легких сестра ее мамы. Всем сделали «пирке» и у Наташи выявилась положительная реакция. Маме предложили отдать дочку на год в санаторно-лесную школу «Красный бор». Так что для нее, восьмилетней застенчивой девочки, второй класс начинался именно здесь.

Ей очень не хотелось туда ехать — терпеть не могла казенные детские учреждения! До этого она постоянно уходила домой из детского садика, ни дня не пробыла там до конца смены. То после обеда сбегала, а то и сразу после завтрака. Мать не знала, что с дочкой делать. Что ни делай — она все равно сбежит. А как она плакала — нет, они ревом ревели вместе с подругой Ольгой, когда их после первого класса отвезли в пионерский лагерь. И при первом же посещении их Наташиной мамой, которая привезла девочкам вафли, печенье и карамельки, и надеялась, что им тут хорошо, что они здесь организованно отдохнут, девочки-подружки устроили такую битву за свою свободу от этого противного лагеря, что она вынуждена была забрать их из него вместе с несъеденными карамельками.

А осенью Наташу ожидало такое непосильное испытание — целый год жить вдали от родного дома. Для матери это было удобно и хорошо: за ребенком следят, кормят, лечат, а для нее — ужасный стресс. (Именно поэтому в будущем при всей ее чудовищной занятости она никогда не отдавала своих детей на популярные тогда пятидневки).

Санаторно-лесная школа была в двенадцати километрах от областного центра, в котором жила их родственница Варвара Ивановна. На окраине города был ее маленький деревянный домик со многими пристройками и большим старым садом. Там росло много кустов крыжовника, «райских» яблонь и слив. Сама тетя Варя была очень полной и добродушной женщиной.

К ней они с мамой и пожаловали в канун Наташиного прибытия в школу «Красный бор». Мама рассказала тете Варе о предстоящих изменениях в жизни дочери, и наутро они покинули этот гостеприимный дом.

И вот школа. В большом красивом хвойном бору. Маленькие уютные корпуса. Все чинно и чистенько: домики покрашены свежей краской, спальни беленькие, а ночью горела лампа с синим светом — чтобы детям не страшно было спать. Хорошие дети и спокойные воспитатели — ни одного плохого слова нельзя сказать про эту школу. Но, как же Наташа, будучи там, мечтала вернуться домой! Ни новые подружки, ни новая обстановка не могли отвлечь ее внимание от дома.

Дома все хуже — но ты дома, среди родных, рядом с любимой мамочкой. Без нее она не могла прожить ни дня. И не баловала мама дочку, нет, наоборот, загружала по полной программе, но мама — как солнце — каждый день была рядом, и девочка была счастлива!

С первого дня Наташа стала замышлять побег. Долго искала напарницу. Нашла. Тайно они вынашивали время и маршрут побега. Катя тоже скучала по дому, по младшему братику, ей до слез хотелось к этим теплым, родным людям.

Наконец, этот долгожданный день наступил. Был октябрьский теплый вечер. После ужина их вывели на прогулку, и дети затеяли игру в прятки. Шаг за шагом, дерево за деревом — все дальше они удалялись от санатория и все ближе к трассе. Неожиданно Катя отказалась идти — испугалась неизвестного пути. Наташа подумала: «А мне-то отступать некуда. Решили — так решили».

ПОБЕГ

Она шла по дороге в сторону города и дошла до остановки автобуса. Солнце уже вовсю катилось к закату, еще чуть-чуть и наступит темнота. Девочка стала ждать. Вскоре на ее счастье автобус появился, остановился, и она взобралась по ступеням. Тетка-кондуктор громким голосом скомандовала: «Девочка, покупай билет!»

Денег не было, и она, покраснев, тихим голосом сообщила об этом кондуктору. «Тогда вылезай, — приказала кондукторша. — Зайцев мы не возим».

Автобус остановился, она сошла. И двинулась вслед за ним. Немного прошла, как солнце, завершив свой дневной оборот, село, закатилось за высокий сосновый лес, и темнота окутала все пространство. Девочке стало жутко. Дорога вилась сквозь лес, изредка мимо нее прошмыгивали легковые автомобили, но она не просила их подвезти. Да и не умела это делать. И еще что-то ее удерживало от этого шага. Возможно, опасение того, что взрослые расспросят, откуда она, такая маленькая, идет и куда, и повезут ее обратно сдавать в лесную школу...

Шла она долго, ориентировалась на огоньки машин и старалась не смотреть по сторонам, на темный и высокий лес, который казался ей каким-то сказочным чудовищем. Когда что-то мерещилось со стороны леса, она закрывала глаза, вся сжималась в комок от страха и только ускоряла шаг. Шаги ее эхом отдавались в ушах, казалось, что кто-то топает в унисон с ней сзади, было до ужаса страшно оборачиваться... А она и не оборачивалась, чтобы до конца не испугаться, если вдруг увидит кого-то чудовищного... Просто просила мамочку услышать и защитить ее.

К городу она подходила, когда уже была полная луна и многочисленные огни освещали улицы.

Села на какой-то трамвай, покупать билет никто не требовал, скорее всего посчитав, что она едет с кем-то из взрослых.

Как она нашла домик тети Вари — до сих пор неразгаданная тайна. Ведь была у тети Вари всего один раз в жизни и то — с мамой! За дорогой не следила, адреса (почтового) не знала... И нашла этот домик! Отгадкой может быть только какой-то природный инстинкт, как у животных, которые отыскивают свой дом даже за сотни миль. Но там «свой» дом, а здесь чужой, в котором она ночевала

всего лишь одну ночь.

В полночь она позвонила в звонок на калитке.

В окошке загорелся свет, и тетя Варя встревоженно спросила: «Кто там?» — «Это я, тетя Варя», — ответила смущенная девочка. — «Кто ты?» — не узнав ее голоса, спросила старушка. — «Наташа». — «Сейчас открою».

Тяжелой походкой, оставив открытой настежь дверь на веранду, чтобы свет освещал ей путь, тетя Варя прошествовала по дорожке к калитке и, открыв ее, спросила: «А где же мама, Наташа?» — «Она дома» — «Почему ты одна?» — «Я ушла из школы» — пришлось признаться Наташе. — «Как ушла? Сбежала?» — «Да» — «Проходи. Попьешь чаю, я тебя спать уложу. Как ты одна добралась? Не представляю. И как меня нашла? Вот какие теперь современные дети», — вопрошала и приговаривала тетя Варя.

Девочка была счастлива. Была счастлива и утром, когда сидела за столом перед красивой старинной чашкой, серебряной ложечкой ела янтарное крыжовничное варенье из хрустальной вазочки и болтала ногами. Мама любила тетю Варю, и она чувствовала себя здесь совершенно защищенной.

Первыми остановились ее ноги. Они почему-то перестали радостно болтаться. А дело в том, что они первыми почувствовали опасность. Кто-то позвонил в калитку. Тетя Варя прошаркала по дорожке, накинув на плечи старый плащ, и через мгновение в окне показался знакомый платок в красно-зеленую клетку. Это был платок ее воспитательницы. Тут же открылась дверь, женщина негодующим взглядом окинула девочку, и стала рассказывать растерянной тете Варе, какой плохой ребенок сидит у нее за столом.

...Весь вечер и всю ночь коллектив школы с привлечением солдат соседней воинской части разыскивал беглянку, освещая густой и высокий сосновый лес прожекторами. И только утром, допросив Катю, узнали о побеге. Стали звонить маме и осторожно выпытывать, не оказалась ли ее дочка каким-то чудом дома. Поняв, что ребенка там нет, стали спрашивать, кто из знакомых живет в ближайшем городе. Они — деликатные люди! — не огорошили ее сообщением о пропаже.

Вот каким образом воспитательница объявилась здесь и нарушила всю идиллию. Девочка пыталась спрятаться за шкаф, в кладовку — все тщетно. Железной рукой, как наручниками, она схватила Наташу и, не отпуская ни на миг ни в трамвае, ни в автобусе, повезла обратно в санаторий.

Там ее долго журили все преподаватели, директор пообещал твердую «двойку» по поведению, вызвал в школу маму. Мама приехала, охала-ахала, ругала дочку, обещала дома как следует выпороть, но Наташа втайне всему радовалась: наконец-то мечта сбылась — ее забирают домой!

Когда ее искали всю ночь, боялись, что девочку задрал волк, но и в мыслях не было, что ее мог похитить и над ней надругаться какой-то злой человек.

БЫВШЕЕ ПОРЕЧЬЕ

Надо хоть немножко рассказать о ее родном городе. Сейчас это небольшой провинциальный городок, а когда-то сама царица Екатерина вторая, побывавшая здесь, присвоила этому местечку статус города и повелела назвать его «Поречьем», так как находился он на слиянии двух рек — Гобзы и Каспли. Названия нерусские, так как и сам городок в далеком прошлом относился к польским шляхтичам, а затем к литовскому княжеству. Несколько раз он переходил у них из рук в руки. Но в 1654 году поречьские земли были присоединены к России, их отбили у ляхов русские воины, чтобы усилить Московское государство и отодвинуть свои границы подальше от столицы — ближе к Западу. Причем граница между этими враждующими соседями шла как раз по реке Каспля. Река была широкая, полноводная, по ней двигались баржи и перевозили в Ригу дубовые доски, пеньку, веревки из конопли (потом из них мастерили корабельные канаты), зерно, стекло, гончарные изделия, и много других полезных вещей. В городе была большая торговая пристань, на ней и происходила разгрузка-погрузка этих товаров. До сих пор сохранились кирпичные руины от здоровенных амбаров.

Здесь был крупнейший в крае стекольный завод, на котором изготавливалась «лучшая посуда» и литое стекло. Было четыре винокуренных завода, писчебумажное и ткацкое производства. Действовали семь кирпичных и восемь гончарных заводов, шло судостроение. Словом, работа здесь кипела! И управляли этим такие знаменитые люди, как боярин, дипломат А. Ордин-Нащокин (он удачно для России подписал мирный договор с Польшей), дворяне Гедеоновы, Нелидовы, Рачинские, Пржевальские, Огонь-Догановские, Глинки, Белавенцы, Энгельгарты, Лесли. Большинство из них хотя и имели польские корни, но они внесли огромный вклад в развитие предпринимательства, культуры и сохранение территории России.

Бывали в жизни города и другие значительные моменты. Они были связаны с прибытием сюда царствующих особ. Поречье посетили и Николай I, и Николай II, и обе Екатерины (в разное время, естественно), и граф Орлов, и царевич Алексей, в последствие дворцовых интриг убиенный в молодом возрасте. С чего бы этим вельможным людям здесь быть? Что тут особо примечательного? Ответ прост. Желая посетить европейские страны, где у них, как водится и ныне, было много родни, они часто выбирали речной — как более комфортабельный — путь. И тогда эти речки Гобза и Каспля попадали в систему их водного передвижения. Это был путь «из варяг в греки».

В городе было много больших храмов (один из них имел даже фарфоровый иконостас), где могли помолиться путешественники. Сейчас из больших соборов жив только один — Успения Пресвятой Богородицы. А от того иконостаса остались маленькие фрагменты. Был здесь и огромный красивый парк, вальяжно спускающийся к широкой реке. Даже свой монетный двор в Поречье был!

Словом, этот город входил в дворцовую волость — так назывались наиболее притягательные и богатые территории, принадлежащие царю и его окружению.

Но и войны не щадили этот дивный городок. Мало того, что русские, белорусы, литовцы и поляки сражались за него. Так и во время войны с французами (1812 год) три недели здесь стояли наполеоновские войска. Сожгли сотни домов, увезли с собой кучу добра, изнасиловали многих молодых женщин. Долго потом Поречье залечивало эти раны. Дворяне восстанавливали свои разрушенные усадьбы. Возводили новые дома, в том числе и для фрейлин царствующего двора. Странно, но здесь был и до последних времен сохранялся дом фрейлины императрицы Александры Феодоровны, которую в канун Первой мировой войны посещал смутьян и любимчик царицы Григорий Распутин.

...Потом здесь гремела гражданская война, за ней революция, в которой особой жестокостью отличался большевик Яков Демидов со своими подельниками. Много горя принесли они мирному населению, не желавшему кровавых перемен. За это мятежники убили Демидова вместе с другими членами уездного чрезвычайного комитета. В память об убиенных большевиках коммунисты переименовали старинный город Поречье в... революционный Демидов. И сразу он стал как-то угасать. Грустно, что так получилось, многие горожане этим недовольны, но такое имя он носит и поныне.

...Город выдержал испытания Великой Отечественной войной, вынес большие страдания — 800 дней и ночей район был оккупирован фашистами. Уже в середине июля 1941 года немецкие войска заняли эту территорию. Тысячи земляков полегли на полях сражений. Тысячи калеками вернулись домой — к сожженному или разрушенному хозяйству. Стали налаживать мирную жизнь, проходившую в напряженном труде. Но тут последовали новые бедствия, уже с хрущевскими реформами и его борьбой с личным подсобным хозяйством. А по сути дела именно огород, поле, домашний скот были единственными кормильцами людей во все трудные времена, впрочем, легких времен в России, кажется, и не бывало.

...Город понемногу восстанавливался, разумеется, не в прежних, царских, объемах, но люди латали свои хаты, поднимали осиротевших детишек, не щадя сил работали на сохранившихся чудом заводах. А потом гидроэлектростанции стали уводить воду на другие нужды, реки обмелели, люди обеднели, производство упало. Все это довершала горбачевско-ельцинско-путинская перестройка-перебранка-перелицовка... Не знаешь, как это и назвать, чтобы правильно донести их роковой смысл до потомков.

Разворачивая эти картины в своей книге, Наташа вспоминала и о том, что в 1921 году здесь родился и рос в младенчестве до 1925 года славный мальчик — будущий великий актер и клоун Юрий Никулин. Ее и его дома оказались по соседству. И это обстоятельство имело свое значение в ее судьбе. Но об этом она расскажет позднее — когда жизнь столкнет их в своем непредсказуемом сценарии. Словом, всему свое время.

БАБУШКА И ТЕТЯ КСЕНЯ

Однако вернемся в годы ее детства. Итак... Она расскажет то, что вспомнит. Ее детские приключения продолжались.

А начались они еще в нежном возрасте, от трех до шести лет, когда девочка жила вместе со своей бабушкой, с добрейшей и кроткой женщиной. Бабушка Прасковья Николаевна была невысокого роста, средней комплекции, с гладко зачесанными темными волосами, забранными сзади в пучок. Но лицо ее, глаза были такими внимательными и добрыми, что люди моментально попадали под ее обаяние. Такой же была и мама девочки. Еще с ними жила бабушкина младшая дочка Ксения — высокая, стройная, рыжеволосая, с густой косой через голову. Тетя Ксения запомнилась тем, что очень больно хватала их с Ольгой — Наташиной двоюродной сестрой — «за пейсы» — так Ксения называла детские пышные волосы, и еще больнее выкручивала им уши. Делала она это, конечно, не каждый час, но скорее всего каждый день, потому что это особенно ярко запомнила и Ольга. Кузина была всего на три года старше Наташи, но тоже часто гостила у бабушки, и тогда девочки вдвоем озорничали. Бабушка только вздыхала, а вот тетиксенина узкая и длинная рука настигала девчонок, и тогда... было очень-очень больно! Может быть поэтому, когда Наташа вырастет и будет в своих молитвах поминать всех усопших родственников, она нет-нет да и пропустит рабу Божию Ксению. Непроизвольно.

Тетя Ксения вышла замуж за такого же высокого, белобрысого Ивана. Никаких подробностей в памяти у девочки не осталось — ни сватовства, ни свадьбы.

Потом тетя Ксения с Иваном стали жить отдельно, но однажды тетя вернулась в бабушкин дом, и девочка помнит, как пришел Иван и стал избивать свою жену, неистово бил сапогами по грудной клетке. Наташа испугалась, спряталась за печку и оттуда с ужасом выглядывала. В ее семье никто никогда никого из взрослых не бил, только дети иногда дрались, а тут такое! Чтобы поддержать тетю Ксению, она стала усиленно кричать из-за печки: «Не трогай ее! Не бей ее! Я все бабушке расскажу! Уходи от нас!» Она не знает, помогли ли эти вопли, но вскоре он ушел. Где была бабушка в тот момент — неизвестно.

После этого тетя заболела туберкулезом легких и лечилась домашними средствами — на подоконнике всегда стояли зеленые бутылки с какой-то дрянью — девочке так казалось — и тетя Ксения в ложечку наливала ее. Как-то разок дала и племяннице попробовать. Было приятно. Бабушка сказала, что это было алоэ с медом и водкой. Так она впервые попробовала водку. Закружилась голова, и внучка стала бабушке показывать, как она кружится, кружась по комнате.

Тетя Ксения родила дочку — беленькую, как Иван, и слабенькую девочку Анечку. Наташа и Оля с опасением подходили к ней, а тетя Ксения требовала вообще даже не приближаться к ребенку — так она защищала ее от шалостей

старших девочек. Вскоре «тетку Ксеньку» (так сестры звали ее между собой) положили в больницу, она там была долго-долго... А загадочная белая девочка, видимо, оставалась у Ивана.

Когда они уже стали взрослыми, мама рассказывала, что Ксении надоело лежать в больнице без всякого улучшения здоровья, и она стала проситься домой. Врачи не давали особых надежд на выздоровление, и Наташина мама приехала за своей сестрой. Но как только Ксения переступила порог больницы и глотнула свежего воздуха, она сразу же упала без чувств... И умерла! Тут же — на пороге между волей и неволей! Она умерла в 32 года от туберкулеза легких. Умерла ровно в день рождения своей двухлетней доченьки.

А что же беленькая Анечка? О ней разговор впереди.

Главной воспитательницей Наташи была бабушка — Прасковья Николаевна. Мама жила отдельно — поближе к работе, и приходила к ним только на выходные. Приносила гостинцы, беседовала с бабушкой, выспрашивала о дочкином поведении. Бабушка хоть и была к внучке жалостливая, но нет-нет, да и проговаривалась дочери о всяких внучкиных проделках. Тогда мать брала ремень и тут начиналось... Она бегала за дочкой, а та с ревом убегала, пряталась от нее, где только придется. В итоге на улице все знали: как воскресенье — так у девочки порка. Большая или маленькая — это зависело от обстоятельств. До сих пор у нее осталось это «родовое» чувство: если ребенок не слушается, хамит, дерзит, портит игрушки, требует невозможного — ему надо дать хорошего ремня. Может, это и непедагогично, жестко, но ее маленькая попка помнила те порки, а душа не скорбит о них, а ...радуется! Кнут и пряник еще никто не отменял. Нельзя вырастить хорошего человека на одних пряниках!

...Бабушку, мудрую, добрую, любили все — родственники, соседи. Она часто ходила в церковь. Тогда бабушка надевала на Наташу вельветовое пальто пурпурного цвета, пристегивала белый кружевной воротничок, заплетала косички, а на них прилаживала беретик. Девочка смотрела в зеркало и видела там себя совсем другую — просто картинку. Бабушка водила внучку в церковь и упрашивала тихо простоять всю службу. Наташа помнит, какие дивные в церкви были иконы, и как с них на нее взирали строгие лица. Потом она подолгу смотрела на кого-нибудь из святых, и ей казалось, что лицо того добрело к ней. Тогда она ему улыбалась и смущенно пряталась за бабушкину юбку.

Больше всего ей нравилось причащаться. Батюшка протягивал маленькую ложечку с чем-то вкусным, и это вкусное еще надо было запить теплой сладкой водичкой и кусочком просвирки. Просвирки у них дома были всегда, и бабушка давала их со святой водой, особенно часто, когда заболеешь. Но смиренно стоять в церкви, как того требовала бабушка, было трудно, поэтому иногда она оставляла внучку одну дома. И тогда начинались новые приключения.

ДЕНЬГИ ИЗ РИДИКЮЛЯ

Из ее самых неприятных детских проступков был такой. Однажды (ей было 5 лет) соседский парень (ему было в то лето 14) сказал девочке: «Я расскажу твоей мамке, как ты вон тот стог сена подожгла. Представляю, как она тебя отлупит».

Ничего она не поджигала, да и стог тот спокойно стоял. Но мама, навещая каждое воскресенье дочку с бабушкой, считала, что просто обязана наверстать упущенное воспитание и самый простой, быстрый и доступный путь — это ремень.

«Коль, ну пожалуйста, не говори ничего моей маме», — захныкала она. — «Ладно, не скажу, — согласился он, — если только ты возьмешь из тетиксениной сумки бумажки и отдашь их мне».

Она подставила стул и залезла в старинный ридикюль, висевший в спальне на стене. Там действительно были разноцветные бумажки. Отнесла их Коле: «Эти?» — «Да. Есть еще?» — деловито спросил он. — «Есть». — «Давай носи сюда».

Она снова залезла, вытащила все и отдала. Радостный Колька ушел, она тоже пребывала в хороших чувствах — ремень ей уже не угрожал.

В воскресенье приехала мама, сказала сестре, что едет в командировку и принимает заказы на покупки. Тетя Ксения сняла свой ридикюль и ничего приятного там не обнаружила. Денег в сумке не было. Они все оцепенели от жути: кто выкрал деньги?

«Дочка, ты брала деньги?» — строго спросила мать. — «Нет», — глядя на нее честнейшими глазами, ответила девочка. — «Смотрите, на стуле даже песок от ее сандалий!» — воскликнула тетя и бросилась драть племяннице уши — ее любимое наказание.

«Почему ты врешь?! Ты взяла деньги!» — наступала мать. — «Мамочка, я знаю, деньги брать нельзя (для нее деньгами были только монеты), я денег не брала, взяла для Кольки только бумажки!» — «Для какого Кольки?» — замерли сестры.

Пришлось все рассказать. Они выглянули в окно, увидели стог сена — живой и невредимый — подивились детской глупости и втроем отправились к Кольке. Дома его не было, а Колькин дед упрямо твердил, что никаких денег у внука не видел, и на такую подлость тот не способен.

Несолоно хлебавши, огорченные до слез, сестры вернулись домой и всю накопившуюся злость они выместили на девчонке. Одна — ремнем, вторая — выворачиванием ее ушей и дерганием за волосы. Причем возвращались к экзекуции несколько раз.

Только она отойдет от ора и боли, как они принимаются вновь. Тетя Ксения очень любила драть ее за волосы — это ужасно больно. Это специально сообщается тем, кто не подвергался в детстве подобной пытке, и Наташа очень

просит не применять этот прием к своим детям — они запомнят навсегда.

Потом Кольку увидели в новых кожаных желтых ботинках и на новом велосипеде, но он все равно все отрицал. Как и дед его. Даже бабушка стыдила его, сообщая о пытках над внучкой, но разжалобить Кольку не удалось, и деньги пропали окончательно.

...Пройдет лет двадцать, и Наташе будет суждено снова встретиться с Колькой на похоронах его дедушки. Это произошло случайно. Она навещала маму. Мать сказала, что завтра будут хоронить бабушкиного соседа (бабушки уже давно не было в живых — царство ей небесное!), а долг христианина велит провожать в последний путь знакомых. Словом, они пошли. У гроба стоял Колька. К этому моменту он жил уже в Коми и даже был начальником мехколонны.

Девушка не упустила случая подойти к нему после похорон и сказать о том, что помнит его подлость (надо прощать, конечно), как он через нее украл деньги бедной тети. Колька ухмыльнулся, кажется, покраснел, но не извинился. Бог ему судья!

ВИШНЕВАЯ ДОРОЖКА

Были еще две большие порки, когда девочка в отсутствие бабушки стала угощать соседских мальчишек белым хлебом (свежим, с большими пористыми дырками) и свежим вишневым вареньем. На кухне она резала этот хлеб, щедро заливала его вареньем и через всю комнату несла к раскрытым окнам, у которых примостились ее друзья — на подоконнике торчали их локти и стриженные головы. Они дружно тянули в комнату голые руки и девочка едва успевала со своей работой.

Вернувшись из церкви, бабушка увидела печальную картину. Закрыв внучку одну в доме, она надеялась, что все будет в порядке. Однако деревянный, тщательно надраенный пол был залит дорожкой из вишневого варенья — из кухни до окон зала. Бабушка была щедрой, но не настолько, чтобы радоваться «вишневой дорожке». Она все рассказала маме. Методы ее воспитания и последствия для дочери вам известны.

Аналогичная история была и с тети-Ксениным лекарством. Тетя, борясь с туберкулезом, настаивала в темной бутылке сок алоэ, мед и водку — это было единственное снадобье, которое она принимала.

Бабушка ушла на рынок, друзья преодолели оконные проемы и были у девочки в гостях. На сей раз Наташа решила попотчевать их лекарством из бутылки. Тетя Ксения принимала его столовой ложкой, и она тоже наливала эту жидкость в ложку и вливала ее в открытые рты соседских ребят. Раз — по кругу, два — по кругу...

Когда бабушка увидела лежащих без признаков жизни вокруг табуретки ребят, ей стало плохо. Она решила, что все они умерли. А они не умерли, а

опьянев от водки, просто заснули. Только увидев пустую бутылку, которая валялась рядом, бабушка все поняла. И облегченно вздохнула. Даже самое доброе сердце не удержалось бы от желания выпороть этого неугомонного ребенка.

Внучка была непоседливая. От ее активности была одна беда. Как-то мать на пятилетие купила Наташе новые туфельки. Счастливая юбилярша обежала всю улицу — похвастаться обновкой, и домой явилась в одном башмачке. Второй так и не нашли. В другой раз она обменяла на сливы свой велосипед. Велосипед взрослые потом вернули, но уже со сломанными спицами.

Помнила она и тот удивительный день, когда бабушка, мирно стряпая что-то на кухне, вдруг залилась слезами, зарыдала в голос (никогда так не плакала!) и ринулась к радиоприемнику. Оттуда неслись какие-то слова, но бабушка все рыдала, рыдала. И четырехлетняя внучка, заглядывая через дырочки в нутро радиоприемника, и с ужасом ожидала увидеть там что-то страшное. Но не видя ничего кроме запыленных ламп диковинной формы, никак не могла взять в толк, кто же это довел бабушку до такого отчаяния.

Потом она подросла и узнала, что в тот день умер Сталин. А когда еще подросла и узнала некоторые семейные истории, тем более не могла взять в толк, стоило ли бабушке так убиваться «по палачу»?!